

Голубинский Е. Е. Порабощение Руси монголами и отношение ханов монгольских к Русской Церкви или к вере русских и к их духовенству // Богословский вестник 1893. Т. 3. № 7. С. 32–60 (2-я пагин.). (Окончание.)

Порабощение Руси Монголами и отношение ханов монгольских къ русской церкви или къ вѣрѣ Русскихъ и къ ихъ духовенству ¹⁾.

Съ какою полною терпимостію относились ко всѣмъ вѣрамъ великіе ханы каракорумскіе въ продолженіе недолгаго существованія великаго ханата, съ такою же полною терпимостію къ нашей русской вѣрѣ или къ нашему православному христіанству относились ханы золотоордынскіе въ продолженіе всего, очень долгаго, господства ихъ надъ Россіей.

Весьма возможно, однако, что исторія терпимости хановъ золотоордынскихъ къ нашей русской вѣрѣ должна быть раздѣляема на два періода: періодъ терпимости добровольной и періодъ терпимости невольной. Въ первую половину господства надъ Россіей ханы относились съ полною терпимостію къ нашей вѣрѣ по доброй волѣ, потому что хотѣли быть вполне терпимыми; по относительно второй половины можеть быть предполагаемо и то, что они оставались столько же терпимыми, какъ и пржеде, уже не по доброй волѣ, а по необходимости, потому только, что не видѣли возможности быть нетерпимыми. Если бы ханы золотоордынскіе постоянно оставались язычниками, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ сохранять взглядъ на всѣ вѣры, какъ на одинаково истинныя, то они постоянно сохраняли бы и искреннее расположеніе оказывать терпимость къ вѣрѣ Русскихъ. Но уже третій преемникъ Батыя, наслѣдовавшій ему и всего черезъ два или черезъ три года послѣ его

1) См. юньскую книжку Б—го В—ка.

смерти, въ 1257 или 1258 г., ханъ Берке или Беркай (Беркалий) принялъ магометанство. Преемники Берке, умершаго въ 1266 г., до хана Узбека, вступившаго на престолъ въ 1313 г., снова были язычниками; но съ этого Узбека, который опять принялъ магометанство, уже все ханы были магометанами, такъ что магометанство стало ихъ родовою религіею вмѣсто язычества. Магометанство, подобно христіанству, притязаетъ быть религіей единой истинной, а потому магометанамъ столько же естественно быть нетерпимыми къ другимъ вѣрамъ, сколько напротивъ язычникамъ быть терпимыми, тѣмъ болѣе, что магометанство, притязая быть религіей единой истинной, прямо обязываетъ своихъ послѣдователей распространять его посредствомъ насилія. О ханахъ Берке и Узбекѣ, которые одинъ черезъ промежутокъ послѣ другаго впервые принимали магометанство, мы положительно знаемъ, что они хотѣли быть вполне терпимыми къ вѣрѣ Русскихъ по доброй волѣ. Это должно быть объясняемо отчасти тѣмъ, что они еще не усвоили магометанства до такой степени, чтобы исполняться желанія стать его распространителями, и еще на столько оставались въ своихъ взглядахъ монголами-язычниками, чтобы продолжать видѣть во всѣхъ религіяхъ одинаково истинныя религіи (съ такимъ, вѣроятно, лишь отличіемъ магометанства, чтобы въ числѣ другихъ истинныхъ религій ставить его на первомъ мѣстѣ); отчасти тѣмъ, что Чингисъ-ханова Яса съ своимъ предписаніемъ терпимости еще сохраняла для нихъ всю свою обязательную силу и что они еще не дерзали поступать вопреки ея. О двухъ преемникахъ Узбековыхъ его сынѣ Джанибекѣ или Чанибекѣ и внука Бердибекѣ также положительно извѣстно, что они были терпимы по доброй волѣ, каковая терпимость должна быть объясняема или обѣими сейчасъ указанными причинами или второю изъ нихъ ¹⁾. Но послѣ смерти Берди-

¹⁾ Позднѣйшій монолого-мугаммеданскій историкъ дома Чингисъ-ханова Абульгази (ханъ ховарезмскій или хивинскій, +1664 г.) увѣряетъ, что Берке, принявъ магометанство, повелѣлъ указомъ, чтобы приняли его новую вѣру и все его подданные, — Родословной исторія о Татарахъ часть седьмая, глава вторая. Но это неправда. Что Берке отличался полною терпимостію по отношенію къ вѣрѣ Русскихъ и хотѣлъ оказывать ей

бека въ 1259 г. мы продолжали оставаться подъ властію Татаръ еще въ теченіе болѣе чѣмъ ста лѣтъ. Очень возможно было то, что преемники Бердибека до самаго конца существованія Орды постоянно оставались плохими магометанами, упорно продолжавшими сохранять въ себѣ прежнихъ индифферентныхъ язычниковъ и вовсе не помышлявшими о какомъ нибудь распространеніи своего „правовѣрія“, но не невозможно было и то, чтобы они стали искрен-

свое нарочитое благоволеніе, это видно изъ того, что въ его правленіе въ 1261 г., по его дозволенію, а гораздо вѣроятнѣе—въ слѣдствіе его требованія, была учреждена русская епископская кафедра въ его столицѣ Сарай. Если мы дадимъ вѣру житію св. Петра, царевича ордынскаго, въ которомъ разсказывается, что Берке для исцѣленія отъ болѣзни своего сына призываетъ къ себѣ епископа ростовскаго Кирилла (Прав. Собесѣдн. 1859 г. ч. I, стр. 360), то мы будемъ видѣть въ немъ монгола-язычника, который еще вовсе не считаетъ принятаго имъ магометанства за вѣру единую истинную (Не ссылаемся на то, что въ 1257 г. женился въ Ордѣ или на дочери или на какой нибудь близкой родственницѣ Берки ростовскій князь Глебъ Васильковичъ, причѣмъ княжѣ, какъ это необходимо подразумевать, было дозволено креститься, такъ какъ бракъ могъ состояться еще до принятія Беркою магометанства. Если наша лѣтопись говорить о смерти Берке: умре царь ординскій Беркай и бысть ослаба Руси отъ насилія татарскаго“,—Никон. III, 45, те подъ насиліемъ должно разумѣть не насиліе въ вѣрѣ со стороны самого Берке, а насиліе въ собираніи податей со стороны откупщиковъ татарскихъ). Свидѣтельствомъ добровольной терпимости хана Узбека служить его ярлыкъ митр. Петру, а что его терпимость была не только слѣдствіемъ новизновенія Чингисъ-хановой Яса, но и отсутствіемъ еще въ немъ самомъ магометанской нетерпимости, это видно изъ того, что онъ выдалъ за московскаго князя Юрія Давыдовича сестру свою Кончаку, дозволивъ ей креститься, и что онъ покровительствовалъ въ черноморской части своихъ владѣній западнымъ христіанамъ, см. *Жарамл.* IV, 156 стр. и *Григорьева* О добротѣности ярлыковъ, стр. 50 (Самъ Узбекъ имѣлъ въ числѣ своихъ женъ греческую принцессу—дочь Андроника Младшаго,—*Гаммера* Geschichte d. gold. Horde S. 299) О добровольной терпимости Чанибека и Бердибека свидѣлствуютъ ихъ ярлыки, перваго—митрополиту Феогносту (не сохранившійся и упоминаемъ въ ярлыкѣ Феогносту Тайдулы), втораго—митрополиту Алексію. Что Чанибекъ по своимъ взглядамъ еще не былъ настоящимъ магометаниномъ, который бы признавалъ истиннымъ одно магометанство, а оставался еще болѣе или менѣе язычникомъ, признававшимъ одинаково истинными все вѣры, видно изъ того, что для исцѣленія отъ болѣзни своей жены Тайдулы онъ призываетъ митрополита Алексія. Наша лѣтопись прямо говорить о немъ: „бѣ же сей царь Чанибекъ Азьяковичъ добръ зѣло ко христіанству“,—Никон. III, 209.

ними и усердными магомѣтанами; вмѣстѣ съ тѣмъ, поставивъ предписанія корана выше предписаній Чингисъ-хановой Ясы, они должны были одушевляться желаніемъ пропаганды. Если было послѣднее, то преосники Бердибека должны были оказывать полную, какъ и прежде, терпимость къ вѣрѣ Русскихъ противъ своего желанія, по необходимости, въ слѣдствіе того, что начавшіяся непосредственно послѣ смерти Бердибека крайнія замѣпательства въ Ордѣ, приведшія къ ослабленію власти хановъ надъ Россіей, уже отняли у послѣднихъ возможность посягать на неприкосновенность вѣры Русскихъ.

Что ханы золоордынскіе во все время своего господства надъ Россіей, по тѣмъ или другимъ побужденіямъ, оказывали совершенно полную терпимость къ вѣрѣ Русскихъ, не дѣлая ни малѣйшаго на нее посягательства и нислалѣйшаго ей стѣсненія, — что они вполне признавали права нашей церкви, нисколько не ограничивая и не умаляя существовавшихъ гражданскихъ преимуществъ нашего духовенства, а напротивъ принимая ихъ подъ свою рѣшительную охрану, объ этомъ, во первыхъ, отрицательно свидѣлствуетъ совершенное молчаніе нашихъ лѣтописей и другихъ современныхъ памятниковъ о какихъ либо дѣйствіяхъ посягательства на неприкосновенность вѣры со стороны хановъ; во вторыхъ, объ этомъ положительнымъ образомъ свидѣлствуютъ ханскіе ярлыки или ханскія жалованныя грамоты ¹⁾ нашимъ митрополитамъ, посредствомъ которыхъ ханы ограждаютъ неприкосновенность вѣры и цѣлость правъ духовенства отъ какихъ либо посягательствъ. Известно нѣсколько частныхъ случаевъ поведенія хановъ, которые какъ будто представляютъ собою возраженія противъ сей-часъ снззаннаго; но случаи, на самомъ дѣлѣ вовсе не представляютъ собою такихъ возраженій, а требуютъ только объясненія, что мы и сдѣлаемъ ниже.

Исторія фактически-формальныхъ отношеній хановъ золоордынскихъ къ русской церкви и русскому духовен-

¹⁾ Тюркское „ярлыкъ“, собственно значащее: повелѣніе, приказаніе, на юридическомъ языкѣ Монголовъ означало всякаго рода исходящую отъ правительства бумагу и соответствовало старому русскому „грамота“ — Грцгорьевъ „О достовѣрности ярлыковъ“, стр. 18.

отву, какъ стороны покровительствующей къ сторонѣ покровительствуемой, т. е. исторія того, въ какихъ формахъ и какимъ порядкомъ ханы золотоордынскіе на дѣлѣ заявляли русской церкви и ея духовенству свое признаніе ихъ неприкосновенности и правъ, остается недостаточно извѣстною. Въ Никоновской лѣтописи подѣ 1313 г. читаемъ о путешествіи митр. Петра въ Орду къ хану Узбеку, который въ этомъ году занялъ мѣсто хана Токты: „того же лѣта князь великій Михайло Ярославичъ тверскій поиде въ Орду, такожь и Петръ митрополитъ кievскій и всея Русіи вкупѣ съ нимъ поиде въ Орду, того, ради понеже тогда въ Ордѣ Тяхтя царь умре, а новый царь Азбаниъ съль на царствѣ, и вся обновися и вси прикождаху въ Орду того ради, понеже тогда въ Ордѣ и ярлыки имаху каждо на свое имя, князи и епискупы“¹⁾. Въ тойже лѣтописи подѣ 1343 г. говорится о путешествіи въ Орду митр. Θεогноста къ хану Чанибеку, сыну Узбека, тотчасъ по занятіи имъ престола: „тогожь лѣта приде изъ Орды отъ царя Чанибека Θεогнасть митрополитъ Кіевскій и всея Русіи; ходилъ о причтѣ церковнемъ, имаше (имаху) бо митрополитъ (-ы) и епискупъ (ы) ерлыки на своя причты церковныя отъ царей ордынскихъ“²⁾. Наконецъ, о митр. Алексѣѣ извѣстно, что онъ, случайно находившись въ Ордѣ въ 1357 г., когда ханскій престолъ занялъ сынъ Чанибековъ Бордибекъ, получилъ отъ новаго хана ярлыкъ. Два свидѣтельства лѣтописи и третій къ нимъ фактъ, говорятъ то, что при восшествіи на престолъ новыхъ хановъ митрополиты должны были отправляться въ Орду, чтобы отъ каждаго новаго хана получать себѣ и своимъ епископамъ ярлыки, въ которыхъ каждымъ ханомъ подтверждались бы ихъ права и преимущества. Такимъ образомъ, о фактически-формальной сторонѣ отношеній слѣдовало бы думать, что Ватикъ при началѣ своего господства надъ Россіей далъ духовенству ярлыкъ, въ которомъ призналъ неприкосновенность вѣры и ненарушимость правъ его—духовенства и что всѣ послѣдующіе ханы при своихъ вступленіяхъ на престолъ выдавали духовенству ярлыки, въ которыхъ подтверждали

1) III, 108.

2) III, 179.

первоначальный ярлыкъ Батыевъ. Но необходимо думать, что или свидетельства Никоновской лѣтописи относятся только къ тому частному времени, о которомъ она говоритъ, или что въ ней, по ошибочнымъ заключеніямъ, допущено несправедливое обобщеніе. Отъ восьми хановъ, предшествующихъ Узбеку, начиная съ Батые, дошолъ до насъ ярлыкъ только одного хана Менгу-Темира (1266—1281) и въ ярлыкѣ узбековомъ дается намъ знать, что относительно ярлыковъ другихъ хановъ должно думать не то, что они не дошли до насъ, а то, что ихъ не существовало¹⁾. Изъ сейчасъ сказаннаго слѣдуетъ, что Батый заявилъ свое признаніе неприкосновенности нашей вѣры и правъ нашего духовенства не посредствомъ ярлыка или письменной грамоты, а иначе. Это „иначе“ можетъ быть понимаемо только какъ признаніе фактическое, т. е. что подчинивъ своей власти Русь и поставивъ князей и народъ въ извѣстныя отношенія данничества себѣ, Батый оставилъ въ сторонѣ и покоѣ русскую церковь и русское духовенство, чѣмъ и давалъ знать о признаніи неприкосновенности первой и ненарушимости правъ втораго. Почему Батый не утвердилъ и не счителъ нужнымъ утверждать неприкосновенность нашей вѣры и правъ нашего духовенства нарочитой дарственной грамотой, это совершенно понятно. Мы — Русскіе не были первымъ народомъ, который Монголы покорили своей власти, напротивъ мы послѣдними были присоединены къ ихъ многовѣрному государству. Въ государствѣ этомъ со времени самого Чингизъ-хана существовалъ органическій законъ, чтобы всѣ вѣры оставались неприкосновенными и права духовенствъ всѣхъ вѣръ ненарушимыми. Органическій законъ самъ собою распространялся на вѣру каждаго покорявшагося народа, а поэтому ханы и не имѣли нужды и побужденій давать каждому на-

¹⁾ 1) Послѣ ссылки на грамоты первыхъ и прежнихъ царей, подъ которыми должно разумѣть (такъ же какъ и въ ярлыкѣ Менгу-Темировомъ) грамоты великихъ хановъ, именно — Чингизъ-ханову Ясу и ея подтвержденіе Огатаемъ и Мангу (Гаммера Geschichte d. gold. Horde, S. 151), Узбекъ ссылается на „нашу первую грамоту“ (у Григорьева стр. 117). Но такъ какъ это собственной первой грамотой былъ именно этотъ ярлыкъ 1313 г., то и необходимо понимать его слова о первой или единственной до него грамотѣ хановъ золотоордынскихъ.

роду нарочитыхъ грамотъ. Нѣтъ сомнѣнiя, что о существованiи у Мошоловъ поминутаго органическаго закона знало и наше духовенство; но если могли быть у него какия нибудь сомнѣнiя, то онѣ должны были разсѣяться при первой переписи народа для обложенiя его данью, произведенной по приказанiю Батя въ 1246 или 1247 г.:¹⁾ духовенство, которое имѣло быть свободно отъ дани, не было подвергаемо переписи.

Послѣ фактическаго признанiя ханами неприкосновенности нашей вѣры и правъ нашего духовенства или—что то же—при необходимо подразумѣваемомъ распространении на нашу страну органическаго закона, дѣйствовавшаго на всей территорiи монгольскихъ завоеванiй, ханы не имѣли нужды давать, а духовенство наше не имѣло нужды просить у нихъ письменныхъ утвердительныхъ грамотъ. Ханскiе ярлыки нашимъ митрополитамъ по своему происхожденiю и не суть грамоты утвердительныя, а суть грамоты охранительныя: первый ярлыкъ, данный ханомъ Менгу-Темиромъ митр. Кириллу, данъ былъ, какъ это ясно видно изъ него самого, не съ цѣлю утвержденiя неприкосновенности вѣры и правъ духовенства, въ чемъ не было нужды, а съ цѣлю огражденiя одной и другихъ отъ посягательства чиновниковъ монгольскихъ, постоянно жившихъ въ Россiи и временно прiѣзжавшихъ въ нее. Предполагая признанiе неприкосновенности вѣры и правъ духовенства, какъ существующiй фактъ, ханъ обращается въ ярлыкѣ къ своимъ всякимъ чиновникамъ (которые перечисляются въ немъ по должностямъ) и строго запрещаетъ имъ посягать на неприкосновенность вѣры и правъ духовенства, угрожая имъ въ противномъ случаѣ опредѣленными въ законѣ карами. Необходимо думать, что этотъ первый ярлыкъ данъ былъ ханомъ Менгу-Темиромъ по нарочитой просьбѣ митр. Кирилла, вызванной тѣмъ, что

¹⁾ По нашимъ лѣтописямъ, перепись народа произведена была въ первый разъ уже послѣ смерти Батя въ 1257 г.; но Плато-Карпини говорить, что первая перепись, по приказанiю вел. хана Грюка и Батя, произведена была въ то время, какъ онъ находился въ Россiи, слѣдовательно—въ 1246 г., въ которомъ Плато-Карпини былъ въ Россiи, ѣхавъ къ вел. хану, или въ 1247 г., въ которомъ онъ былъ въ ней на возвратномъ пути,—извѣстiй статья VII; ср. Соловьева Истор. т. III, изд. 4 стр. 189.

чиновники монгольскіе постоянно жившіе въ Россіи и временно пріѣзжавшіе въ нее, въ своихъ отношеніяхъ къ духовенству мало стѣснялись существовавшими законами относительно правъ послѣдняго ¹⁾).

Послѣ Менгу-Темира три ярлыка даны были митрополитамъ тремя преемствовавшими одинъ другому ханами: Узбекомъ, Чанибекомъ ²⁾ и Бердибекомъ. По поводу ярлыка Узбекова Никоновская лѣтопись говоритъ, что у новыхъ хановъ митрополиты брали ярлыки, и необходимо думать, что именно Узбекомъ сдѣлано было распоряженіе, чтобы митрополиты вѣдали ярлыки у каждаго новаго хана и что распоряженіе это оставалось въ силѣ при двухъ его преемникахъ. Ярлыки Узбековъ, Чанибековъ и Бердибековъ по своей формѣ и своему содержанию—совершенно тоже, что ярлыкъ Менгу-Темировъ, т. е. охранныя грамоты церкви и духовенству отъ посягательствъ на неприкосновенность вѣры и права духовенства со стороны ханскихъ чиновниковъ. Но очевидно, что Узбекъ, сдѣлавшій распоряженіе, чтобы отъ каждаго новаго хана были получаемы митрополитами ярлыки, хотѣлъ придать имъ и другое значеніе, а именно—значеніе какъ бы ханскихъ инвеституръ митрополитамъ или видимыхъ знаковъ, посредствомъ которыхъ выражалась бы зависимость отъ хановъ какъ ихъ—митрополитовъ, такъ и всей съ ними церкви ³⁾. Послѣ Бердибека, убитаго въ

¹⁾ Монгольская дата, выставленная подъ ярлыкомъ Менгу-Темира, отъ способа монгольскаго лѣтосчисленія не вполне опредѣлена и соответствуетъ двумъ нашимъ годамъ—1267 и 1279, — *Григорьевъ* О достоверности ярлыковъ, стр. 93. Считаютъ вѣроятнѣйшимъ принимать первый годъ, какъ годъ восшествія Менгу-Темира на престолъ; но на самомъ дѣлѣ вѣроятнѣе принимать послѣдній годъ, такъ какъ Никоновская лѣтопись даетъ знать, что въ 1279 г. митр. Кириллъ былъ въ ордѣ у Менгу-Темира: подъ этимъ годомъ въ лѣтописи читается: „тогоже лѣта приде Феогнасть епискупъ Сарайскій втретія изъ греческія земли, изъ Цареграда: посылалъ убо его пресвященный Кириллъ митрополитъ кievскій и всея Русіи и царь ординскій Менгу-Темиръ къ патріарху и ко царю Михаилу Палеологу греческому,—отъ пресвещеннаго Кирила митрополита грамоты и отъ царя Менгу-Темира грамоты и поминки (отъ) обою“.

²⁾ Непосредственнымъ преемникомъ Узбека былъ Тлиббекъ, но онъ убитъ былъ Чанибекомъ послѣ весьма недолгаго сидѣнія на престолѣ.

³⁾ Узбекъ, сдѣлавшій на ханскомъ престолѣ болѣе всѣхъ другихъ хановъ (1313—1341), былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и самымъ могущественнымъ между

1359 г., до конца господства Татаръ надъ Россіей или до 1480 г. извѣстенъ всего одинъ ханскій ярлыкъ митрополитамъ, именно Атюляковъ (Тулунбековъ), данный нареченному митрополиту Михаилу или, какъ его звали,—Митяю, въ 1379 г. Должно думать, что этотъ единственно извѣстный послѣ Бердибека ярлыкъ и на самомъ дѣлѣ былъ единственнымъ и что онъ представляетъ собою не болѣе какъ простую случайность. Послѣ Бердибека въ Орду начались весьма на долгія времена, чуть не по самый конецъ господства Татаръ надъ нами, такія замѣшательства и такая быстрая смѣна хановъ, что, съ одной стороны, митрополиты не могли успѣвать, чтобы получать отъ хановъ ярлыки, а съ другой стороны—они должны были воспользоваться благоприятными обстоятельствами, чтобы избавить себя отъ наложенной было на нихъ и весьма неприятной для нихъ обязанности ¹⁾. Что же касается до ярлыка Атюлякова Михаилу или Митяю, то онъ данъ былъ ханомъ нареченному митрополиту, когда этотъ ѣхалъ чрезъ Орду, путешествуя въ Константинополь на поставленіе, и данъ былъ, какъ должно думать, вовсе не по просьбѣ Михаила, а по собственной предупредительности хана, желавшаго выразить ему свое особое благоволеніе ²⁾.

Такимъ образомъ, фактически—формальная сторона отношеній хановъ золотоордынскихъ къ руской церкви и русскому духовенству состоитъ въ томъ, что послѣ покоренія Руси Монголами на нее фактически распространено было дѣйствіе закона Чингисъ-ханова о вѣротерпимости,—

ними послѣ Батя и самымъ великолѣпнымъ (великій Узбекъ). Не удивительно поэтому его хотѣніе, чтобы зависимость и рускихъ митрополитовъ отъ хановъ выражалась посредствомъ видимыхъ знаковъ, посредствомъ своего рода инвеституры.

¹⁾ Въ ярлыкѣ Атюляковомъ, правда, утверждается, будто и послѣ Бердибека отъ всѣхъ хановъ были получаемы митрополитами ярлыки. Но если вѣрнѣ славянскій переводъ данного мѣста, то несомнѣнно, что это есть не болѣе какъ простое „красное“ слово и простая фанфаронада со стороны хана или его канцеляріи (и послѣ Бердибека неизмѣнно-де продолжалось такъ, какъ установилъ Узбекъ).

²⁾ См. Никоновской лѣтописи III, 74. Въ лѣтописи дѣйствующее лице—Мамай, потому что онъ сполна распоряжался тогда за хановъ, которыхъ непрестанно мѣнялъ. И въ ярлыкѣ говорится, что его даетъ ханъ „Мамаевою мыслию дядиною“.

что ханы изъявляли готовность, по просьбамъ митрополитовъ, ограждать строгую ненарушимость закона отъ посязательствъ на него монгольскихъ чиновниковъ посредствомъ своихъ нарочитыхъ охранныхъ грамотъ или ярлыковъ, — что ханъ Узбекъ придалъ было ярлыкамъ значеніе инвести-туры, имѣвшей получаться митрополитами отъ каждого новаго хана, но что это, по обстоятельствамъ Орды, продолжалось весьма не долго ¹⁾.

Имѣя собственное значеніе грамотъ, охраняющихъ неприкосновенность вѣры и правъ духовенства, а не прямо ихъ утверждающихъ, ханскіе ярлыки митрополитамъ въ тоже время показываютъ, до какой степени ханы признавали неприкосновенность нашей вѣры и въ какой мѣрѣ или какомъ объемѣ признавали права нашего духовенства, ибо въ ярлыкахъ указывается — что и сколько охраняютъ они отъ посягательства своихъ чиновниковъ.

Въ первомъ по времени ярлыкѣ, который данъ былъ ханомъ Менгу-Темиромъ митрополиту Кириллу въ 1267 или, что вѣроятнѣе, въ 1279 г., находимъ: во-первыхъ, что вѣра Русскихъ ограждается отъ всякихъ на нее хуленій и оскорбленій и что принадлежности вѣщшняго богослуженія ограждаются отъ посягательствъ на нихъ въ смыслѣ хищенія или поврежденія; во-вторыхъ, что духовенство освоб-

¹⁾ На томъ основаніи, что митрополитъ Максимъ, тотчасъ послѣ своего прибытія на кафедру въ 1283 г., ходилъ въ Орду къ хану Тода-Мангу (Ник. лѣт. III, 76), нѣкоторые утверждаютъ, будто этимъ ханомъ Тода-Мангу было постановлено, чтобы каждый митрополитъ при своемъ занятіи кафедры являлся въ Орду для полученія утвердительнаго ярлыка. Но, во-первыхъ, митр. Максимъ могъ ходить въ Орду не для своихъ дѣлъ церковныхъ, а по порученію Константинопольскаго правительства (только что занявшаго престолъ императора Андроника Старшаго) съ миссіей политической (ибо Греки находились тогда съ Татарами въ политическихъ связяхъ, см. *Struttnera* Методг. рорр. III, 1002 и 1071 ff. sqq.); во-вторыхъ, если ходилъ я по дѣламъ церковнымъ, то выводимое отсюда заключеніе остается простымъ предположеніемъ, которое не можетъ быть принято въ виду того, что послѣ ярлыка Менгу-Темирова митр. Кириллу первымъ ярлыкомъ долженъ быть считаемъ Узбековъ ярлыкъ митр. Петру 1313 г. и что объ ярлыкахъ, будтобы получавшихся митрополитами при занятіи ими кафедры совершенно ничего неизвѣстно (послѣ Максима ихъ должны бы были получать: Петръ въ 1308 г. отъ хана Токты, Феогностъ въ 1328 г. отъ Узбека, Алексѣй въ 1354 г. отъ Чаинбека).

бождается отъ даней; отъ всякихъ пошлинъ и всякихъ повинностей; втретыхъ, что всѣ церковныя недвижимыя имѣнія признаются церковнослужительскими и что церковныя слуги, т. е. принадлежатъ епископамъ или кому бы то ни было изъ церковныхъ властей и мѣстъ рабы или холопы, объявляются свободными отъ какихъ бы то ни было общественныхъ работъ. Относительно вѣры и принадлежностей вѣшняго богослуженія въ ярлыкѣ читаемъ: „а кто (изъ нашихъ всякихъ чиновниковъ) вѣру ихъ (Русскихъ) похулитъ или ругается, тотъ ничемъ не извинится и умретъ злою смертію...; или что въ законѣ ихъ иконы и книги или иное что, по чему Бога молятъ, тогда не емлютъ ни издеруть ни испортятъ“. Относительно свободы духовенства отъ даней, пошлинъ и повинностей читаемъ: „какъ первые цари (подразумеваются Чингисъ-ханъ и его преемники въ Каракорумѣ) пожаловали поповъ и чернцовъ и всѣхъ богодѣльныхъ людей, (такъ) и мы, ихъ грамотъ (т. е. собственно законоположеній) не изъменявая, по тому же жалумъ: не надобе имъ (съ нихъ) дань и тамга и поплужное, ни ямъ ни подводы ни война ни кормъ; во всѣхъ пошлинахъ не надобе имъ ни которая царева пошлина ни царыня ни князей ни рядцевъ ни дароги ¹⁾ ни посла, ни которыхъ пошлинниковъ ни которые доходы: а кто возьметъ (отъ поповъ и отъ чернцовъ дань или иное что) баскаци наши и княжіе писцы и поплужницы и тамошницы, и онъ (тотъ) по велицей Язѣ (законодательному кодексу Чингисъ-ханову) не извинится и смертію да умретъ“. При этомъ дѣлаются два особыя постановленія: во-первыхъ, относительно принятія митрополитомъ и епископами въ духовное званіе кандидатовъ изъ мірянъ; во-вторыхъ, о дѣтяхъ и братьяхъ поповскихъ, живущихъ при отцахъ и братьяхъ и отдѣлившись отъ нихъ; первое постановленіе: „аще ли (митрополитъ) восхоцетъ иныя люди къ себѣ примать, хотящія Богови молитися (поставиться въ духовное званіе), ино на его волѣ будетъ ²⁾“; второе постановленіе: „а попове, единъ хлѣбъ ядуще и во единомъ мѣстѣ живуще, и у кого братъ

¹⁾ Дарога—полицейскій чиновникъ

²⁾ Въ печатныхъ изданіяхъ ярлыка это постановленіе читается невразумительно; приводимъ его по Синодальной рукописи № 792.

или сынъ, и ты (тѣ) по томужъ пожаловани идуть; аще ли отъ нихъ отдѣлилися, изъ дому вышли, и тѣмъ пошлина и дань давать“. Относительно недвижимыхъ церковныхъ имѣній и церковныхъ слугъ читаемъ: „что церковныя земли, воды, огороды, винограды, мельницы, зимовища, лѣтовнища, да не замаютъ (не трогаютъ) ихъ (никакіе наши чиновники), а что будетъ взяли, и они отдадутъ беспосудно; а что церковные люди: мастера, сокольницы, хардусеницы, или которыя слуги и работницы и кто на будетъ ихъ людей, тѣхъ да не замаютъ ни на что, — ни на работу ни на сторожу“.

Послѣ Менгу-Темира, давшаго ярлыкъ митр. Кириллу, какъ мы показали, даны были ханами митрополитамъ еще четыре ярлыка: Узбекомъ св. Петру, Чанибекомъ Θεогносту, Бердибекомъ св. Алокеѳю и Атюлякомъ или Тулунбекомъ нареченному митрополиту Михаилу (Митяю). Изъ четырехъ ярлыковъ сохранилось до настоящаго времени три, а именно — не дошло до насъ ярлыка, даннаго Чанибекомъ Θεогносту¹⁾. Всѣ три сохранившіеся ярлыка, подтверждая первый ярлыкъ, данный ханами митрополитамъ или, какъ говорится въ ярлыкѣ Узбековомъ, — „первую ихъ грамоту“, содержатъ при различіи внѣшней, канцелярской, редакціи²⁾, относительно неприкосновенности вѣры и правъ духовенства тоже самое, что и этотъ, но съ однимъ новымъ противъ него добавленіемъ. Добавленіе состоитъ въ томъ, что митрополитамъ, а съ ними, какъ должно быть подразумѣваемо, и всему духовенству, предоставляется судъ надъ принадлежащими имъ людьми или ихъ холопами, рабами, во всѣхъ рѣшительно уголовныхъ дѣлахъ, не исключая разбоя, поличнаго и тальбы: „а знаетъ митрополитъ въ правду, — нестановляется въ первомъ изъ трехъ ярлыковъ Узбековомъ, и право судить и управляетъ люди своя въ правду,

¹⁾ Онъ упоминается, какъ мы сказали выше, въ ярлыкѣ жены Чанибекъ Таидулы тому же митр. Θεогносту.

²⁾ Ярлыкъ Узбековъ св. Петру относительно внѣшней редакціи очень многословенъ и вездѣшнъ и въ слѣдствіе того сравнительно обширенъ. Одну особенность ярлыка, вѣроятно, должно понимать какъ знакъ нарочитаго благоволенія хана къ митрополиту (о чемъ говорить наши лѣтописцы), а также, можетъ быть, объяснять и тѣмъ, что онъ придавалъ ярлыку новое значеніе инвеституры.

въ чемъ нибудь (въ чемъ бы то ни было): и въ разбои и въ поличномъ и въ татѣбѣ и во всякихъ дѣлахъ вѣдаетъ самъ митрополитъ одинъ или кому прикажетъ“ (Въ ярлыкахъ Бердибековомъ и Атюляковомъ не читается даваемого митр. Кириллу ярлыкомъ Менгу-Темировымъ дозволенія принимать къ себѣ иныхъ людей, хотящихъ Богу молитися; но необходимо думать, что это пропускъ не намѣренный, а случайный, происшедшій въ первомъ изъ ярлыковъ, изъ котораго перешолъ и во второй, по винѣ ханской канцелярїи, ибо Бердибекъ и Атюлякъ прямо говорятъ въ своихъ ярлыкахъ, что даютъ ихъ по прежнимъ ярлыкамъ, не изъиначивая сихъ послѣднихъ¹⁾).

Изъ сейчасть сдѣланнаго нами обзоренія ханскихъ ярлыковъ, по видимому, слѣдуетъ, что ханы не вполнѣ признавали гражданскія права и преимущества нашего духовенства: въ ярлыкахъ не подтверждается права архіереевъ взимать дань съ мірскихъ населеній епархій, или такъ называемую десятину; въ нихъ не подтверждается права архіереевъ судить мірянъ въ нѣкоторыхъ дѣлахъ и въ преступленіяхъ гражданскихъ. Но когда говорится о признаніи ханами правъ и преимуществъ нашего духовенства, то само собою понятно, что говорится не обо всехъ вообще правахъ, а только о тѣхъ, которыя, представляя собою освобожденіе отъ обязанностей именно по отношенію къ нимъ—ханамъ, могли быть признаны ими или не признаны. Покоривъ Русь, ханы наложили на русскій народъ извѣстныя обязанности, отъ которыхъ прежде нихъ собственнымъ нашимъ правительствомъ духовенство было освобождено: освободить, какъ было прежде, или не освобождать духовенство отъ этихъ обязанностей и было въ волѣ хановъ; но что касается до тѣхъ или иныхъ, большихъ или меньшихъ, гражданскихъ правъ духовенства, которыя не касались хановъ, т. е. которыя не представляли собою освобожденія духовенства отъ

1) Напоминаніе, дѣлаемое ханами въ ярлыкахъ нашему духовенству, что оно должно молить за нихъ Бога и что „аще ли кто иная неправымъ сердцемъ молитъ (за нихъ) Бога, ино тотъ грѣхъ на немъ будетъ“ (ярлыкъ Менгу-Темировъ), по сказанному выше значитъ, что ханы одинаково признавали действительными молитвы служителей всѣхъ вѣръ и что они одинаково боялись служителей всѣхъ вѣръ.

обязанностей, оставшихъ обязанностями по отношенію къ нимъ, то имъ—ханамъ не было до этихъ послѣднихъ правъ никакого дѣла: признаніе или непризнаніе этихъ правъ осталось по прежнему исключительно въ волѣ князей, бывъ такъ сказать домашнимъ дѣломъ между ними и духовенствомъ. Указанныя выше права духовенства, не подтверждаемыя въ ханскихъ ярлыкахъ, составляютъ послѣднюю категорію; а поэтому и нѣтъ о нихъ въ ярлыкахъ никакихъ рѣчей и упоминаній.

Съ другой стороны, не невозможно предполагать, что ханы не только признали существовавшія права нашего духовенства, но нѣсколько и расширили ихъ, отчасти въ ущербъ самимъ себѣ и нашему домашнему правительству или князьямъ, отчасти—въ ущербъ этимъ послѣднимъ. О правахъ нашего духовенства за періодъ кievскій мы собственно не имѣемъ положительныхъ свѣдѣній. Изъ тѣхъ правъ, которыя признаются ханами въ ярлыкахъ, со всею вѣроятностію должна быть предполагаема, какъ существовавшее прежде право,—личная свобода самого духовенства отъ податей и повинностей; но были ли свободны отъ всякихъ повинностей люди, принадлежавшіе духовенству, имѣло ли оно неограниченную судебную власть надъ ними и было ли предоставлено митрополиту и епископамъ принимать въ духовное званіе изъ всѣхъ безъ изъятія и ограниченія мірянъ, относительно этихъ вопросовъ мы не можемъ сказать, чтобы за единственно вѣроятный отвѣтъ на нихъ должно было принимать отвѣтъ утвердительный. По крайней мѣрѣ относительно неограниченности судебной власти духовенства надъ его людьми, такъ какъ объ этомъ не упоминается въ первомъ ярлыкѣ и только уже говорится во второмъ, представляется не невѣроятнымъ думать, что это было право новое, впервые предоставленное духовенству только ханами, т. е. именно только ханомъ Узбекомъ. Если мы предположимъ, что всѣ три права были права новыя, то въ первомъ случаѣ, освобождая людей, принадлежавшихъ духовенству, отъ всякихъ своихъ повинностей, ханы наносили ущербъ самимъ себѣ или жертвовали интересами своими собственными; во второмъ случаѣ, предоставляя духовенству неограниченный судъ надъ его людьми, наносили ущербъ князьямъ; а въ третьемъ случаѣ, предоставляя

митрополиту и епископамъ принимать въ духовное званіе всѣхъ безъ изыатія мирянь, наносили ущербъ вмѣстѣ и князьямъ и себѣ (ибо предоставляли переходить въ духовное званіе также мирянамъ, которые платили бы подати и князьямъ и имъ самимъ). Но если предпологать, что всѣ три права были права новыя, то очень вѣроятно думать, что два изъ нихъ, посягавшія на интересы князей, не были признаваемы ими послѣдними безусловно, а лишь были уступаемы ими духовенству въ видѣ пожалованія, на сколько они сами этого хотѣли. Къ рѣчамъ объ этомъ мы возвратимся послѣ ¹⁾.

Заботиться о томъ, чтобы ханскіе чиновники, постоянно жившіе въ Россіи и на время прибѣжавшіе въ нее, не по-

¹⁾ Изъ пяти ярлыковъ, данныхъ ханами митрополитамъ, какъ мы говорили, сохранились до настоящаго времени четыре: Менгу-Темировъ Кириллу, Узбековъ св. Петру, Бердибиковъ св. Алексѣю и Атюляковъ Махамлу (Митяю). Вмѣстѣ съ этими четырьмя ханскими ярлыками сохранились еще три ярлыка одной ханши—именно знаменитой жены хана Чангубека Тайдулы, данная ею: митрополитамъ Θεогносту и св. Алексѣю и епископу Сарайскому Іоанну, такъ что всего сохранилось семь ярлыковъ. Въ собраніи ярлыковъ, сдѣланномъ (несома невѣжественно) при кафедрѣ митрополитической въ XV—XVI вѣкѣ, ярлыкъ Менгу-Темировъ Кириллу стоитъ не на первомъ мѣстѣ, а на пятомъ, потому, что собиратель усвоилъ его Менгу-Темиръ-Оксану, т. е. Тамерлану. Что касается до ярлыковъ Тайдулы, то ярлыки митр. Θεогносту и епископу Іоанну (по надписанію—Іонѣ митрополиту Кіевскому и всея Руссіи, т. е. будто св. Іонѣ, жившему спустя столѣтіе послѣ Тайдулы) имѣютъ цѣлю оградить духовенство.—въ первомъ случаѣ всей митрополи, а во второмъ—епископіи, отъ притѣвленій и обидъ частныхъ ханскихъ чиновниковъ (ярлыкъ Іоанну не есть грамота ему, а есть грамота о немъ кому-то изъ начальныхъ чиновниковъ ханши; ярлыкъ митр. Алексѣю есть пробажій ему листъ по Орду на тотъ случай, „когда ему случится идти къ Царюграду“). Когда помянутый собиратель ярлыковъ въ своемъ послѣдствіи къ нимъ утѣряетъ, будто кромѣ налѣхъ семи ярлыковъ „мпози суть иные велицы ярлыци“, то или разумѣетъ ярлыки хановъ не митрополитамъ, а князьямъ (самъ же в. тутъ же онъ говоритъ, что въ митрополи нашель только наши семь ярлыковъ), или говоритъ тенденціозную неправду (имѣя въ виду укорить нашихъ государей XV—XVI в., рѣшившихся посягать на права церкви). Что во время митр. Макарія хранилось при кафедрѣ митрополитической (и ему—митрополиту извѣстно было) только семь ярлыковъ, объ этомъ онъ самъ свидѣтельствуетъ въ своемъ извѣстномъ отвѣтѣ Грозному „о недвижимыхъ вещехъ, вданыхъ Богови:“ „и донынѣ въ русеккой митрополи, — говорить онъ,—семь ярлыковъ написаны пребываютъ“. Переводъ ярлы-

сыгали на права духовенства, и вообще не обижали его, въ отношеніи ко всему духовенству лежало на митрополитахъ. Но знаемъ мы примѣръ епископовъ одной до крайней мѣры каѳедры, которые сами ходили въ Орду, чтобы искать тамъ охраны причту церковному своей собственной епархіи; это именно — примѣръ епископовъ ростовскихъ. Вѣроятно, впрочемъ, что на примѣръ этотъ должно смотрѣть, какъ на исключеніе, объясняемое особыми обстоятельствами епископовъ ростовскихъ. Послѣ покоренія Руси Монголами, суздальско-ростовская область оставалась безъ митрополита до 1250 года, въ которомъ пришолъ въ нее, чтобы принять ее въ свое завѣдываніе вмѣстѣ съ южной Русью, митрополитъ Кирилль, поставленный галицко-волынскимъ княземъ Данииломъ Романовичемъ. Во все это время представителемъ духовенства области былъ епископъ ростовскій, такъ какъ другой епископъ, — владимирскій, убитъ былъ Татарами при взятіи Владимира. Въ продолженіе 12-ти лѣтъ, которыя прошли отъ покоренія области до прибытія въ нее митрополита (1238—1250), не одинъ разъ могла представиться епископу ростовскому нужда путешествовать въ Орду для объясненій и ходатайствъ по дѣламъ церковнымъ. Но, начавъ путешествія въ Орду до прибытія митрополита, епископы, проложившіе себѣ, такъ сказать, дорогу въ Орду, могли продолжать ихъ и послѣ прибытія и вообще въ послѣдующее время. Какъ бы то ни было, только мы знаемъ, что путешествовалъ въ Орду уже послѣ прибытія въ северную Русь митрополита епископъ ростовскій Кирилль, о которомъ въ житіи св. Петра, царевича ордынскаго, говорится, что онъ ходилъ „за домъ святаго Богородицы“ (свою каѳедру) къ хану Берке, вступившему на ханскій престолъ въ 1257 или 1258 г.; о преемникѣ Кирилловомъ Игнатіи подъ 1282 г. говорится въ летописи ¹⁾, что въ семь году онъ ходилъ въ Орду во второй разъ за

ковъ, къ сожалѣнію, очень неудовлетворителенъ, а сохранившіеся ихъ списки, какъ нужно думать, очень неисправны. Ярлыки напечатаны были нѣсколько разъ; послѣднее ихъ изданіе, по которому ихъ должно читать, въ приложеніи къ диссертациі В. Григорьева: „О достоверности ярлыковъ, данныхъ ханами Золотой орды русскому духовенству“, Москва, 1842 г.

¹⁾ Такъ называемой Академической.

причетъ церковный; о преемникѣ Игнатіевомъ Тарабѣи подѣ 1293 г. говорится въ лѣтописи ¹⁾, что онъ ходилъ въ Орду вмѣстѣ со всѣми князьями. Если дать вѣру сейчасъ упомянутому житію царевича Петра, то епископы ростовскіе находились даже совсѣмъ въ особенныхъ отношеніяхъ къ ханамъ. Разказавъ о чудесномъ исцѣленіи епископомъ Кирилломъ сына Беркина, житіе увѣряетъ, что ханъ въ благодарность за сіе „повелѣ давати владыцѣ оброки годовніи въ домъ святыя Богородицы“ и что послѣдующіе епископы ростовскіе ходили въ Орду, „емля оброкъ царскій“ ²⁾. Можетъ показаться страннымъ и невѣроятнымъ, чтобы ханы золотоордынскіе давали оброки христіанскимъ православнымъ епископамъ; но мы приводили выше свидѣтельство Плато-Карпини о томъ, что великій ханъ Гуюкъ давалъ жалованье священникамъ несторіанскимъ, которыхъ онъ содержалъ при своемъ дворѣ, а изъ первыхъ хановъ золотоордынскихъ это послѣднее извѣстно о сынѣ Батыевомъ Сартакѣ ³⁾.

Никоновская лѣтопись, какъ мы видѣли выше, разказывая о полученіи ярлыковъ митрополитами Θεогностомъ и Алексѣемъ, увѣряетъ, что не только митрополиты, но и епископы „имаху (тогда) ярлыки на свои причты церковныя отъ царей ордынскихъ“. Понимать дѣло такъ, чтобы Узбекъ, обязавъ митрополитовъ являться за ярлыками къ каждому новому хану, обязалъ къ тому же и всѣхъ русскихъ епископовъ, совершенно препятствуетъ отсутствію всякихъ фактическихъ указаній на это, которымъ очень трудно было бы не быть; но не невозможно допустить то, что Узбекъ, не обязывая епископовъ являться вмѣстѣ съ митрополитами, обязалъ послѣднихъ брать у хановъ не одинъ только общій ярлыкъ на всю митрополию, но и частные ярлыки на каждую изъ епископій митрополіи. Это могло быть сдѣлано по двумъ побужденіямъ: впервыхъ, чтобы каждому епископу

¹⁾ Той же Академической,

²⁾ Православн. Собесѣдн. 1859 г. ч. I, стрр. 361 и 363.

³⁾ Рубруквись, гл. XX.—Въ 1257 г. Ростовскій князь Глѣбъ Васильковичъ женился въ Ордѣ на какой-то тамошней княжнѣ: можетъ быть начало путешествій въ Орду епископовъ ростовскихъ имѣть нѣкоторую связь съ этою женитьбою.

вручать видимый знакъ его зависимости отъ хановъ; во-вторыхъ, чтобы увеличить пошлыны съ митрополитовъ въ пользу ихъ казны и ихъ чиновниковъ, такъ какъ каждый ярлыкъ могъ быть обложенъ особой пошлыной.

Итакъ, ханы монгольскіе во все время своего продолжительнаго господства надъ Россіей оставляли совершенно неприкосновенною вѣру Русскихъ и совершенно ненарушимыми права русскаго духовенства. А такимъ образомъ, какъ сказали мы выше, тяжкій бичъ Божій, обрушившійся на насъ въ видѣ Монголовъ, не былъ по крайней мѣрѣ бичемъ для церкви, именно — не былъ бичемъ для ней по крайней мѣрѣ со стороны ея внѣшней свободы и внѣшняго положенія.

Однако, въ сейчасъ представленномъ нами изложеніи мы уже дали знать, что непричастность духовенства тягостямъ ига монгольскаго должна быть представляема не совершенно безусловною. Мы говорили, что ханскіе ярлыки митрополитамъ по своему происхожденію суть охранныя грамоты духовенству отъ притѣсненій и обидъ со стороны монгольскихъ чиновниковъ. Если митрополиты были вынуждены просить у хановъ охранныхъ грамотъ, то изъ сего, очевидно, слѣдуетъ, что притѣсненія и обиды со стороны чиновниковъ не только имѣли мѣсто, а и были болѣе или менѣе значительны. Но думать, чтобы ханскіе ярлыки могли положить конецъ притѣсненіямъ и обидамъ, конечно, было бы напрасно: высшая власть строго и грозно приказываетъ, а чиновники не обращаютъ на приказъ никакого вниманія, — это общій законъ всего чиновничьяго міра, по отношенію къ которому всего менѣе можно представлять исключеніемъ чиновниковъ монгольскихъ. Духовенство наше было освобождено ханами не только отъ даней, но и отъ всѣхъ безъ изыятія пошлынъ и повинностей: „такъ есмь его (митрополита) пожаловали, что не надобъ ему ни его людемъ ни вѣмъ церковнымъ богомольцамъ — попомъ и чернцомъ и бѣльцомъ и ихъ людемъ, отъ мала и до велика, ни какова дань, ни которая пошлына, ни кормъ, ни питіе, ни запросъ, ни дары, ни почестья не воздають никакова, ни служба ни работа, ни сторожа, ни которые доходы, ни поминки, ни поклонное, ни выходъ, ни полѣтное ни станное, ни вѣздное, ни мимоходное по дорожъ послу ни баскаку ни кото-

рому моему пошлинику“... (ярлыкъ Атюляковъ). Но къ платѣ пошлинъ, къ отбыванію повинностей чиновники ханскіе могли всегда принуждать духовенство, ссылаясь на исключительныя обстоятельства, на особые приказы ханскіе, или въ отношеніи такихъ повинностей, какъ постоянная, кормовая и поклонная, ссылаясь просто на то, что они суть чиновники ханскіе и не хотятъ знать никакихъ привилегій. Такимъ образомъ, совершенно свободное въ отношеніи къ Монголамъ отъ всякихъ государственныхъ тягостей по закону, духовенство должно быть представляемо болѣе или менѣе страдавшимъ отъ произвола и злоупотребленій со стороны монгольскихъ чиновниковъ ¹⁾.

Были и еще причины, въ слѣдствіе которыхъ иго монгольское являлось бѣдствіемъ для церкви со стороны внѣшней. Но тутъ вина была не на Монголахъ, а на самихъ Русскихъ, именно—на нашихъ князьяхъ. Ссорясь другъ съ другомъ и отнимая другъ у друга власть, князья обращались къ ханамъ съ просьбами о военной помощи противъ другаго помощи. Удовлетвореніе ханами этихъ просьбъ и являлось какъ величайшее бѣдствіе не только для государства, но и для церкви. Монголы по своей натурѣ были дикіе хищники, и приходившія къ князьямъ отъ хановъ вспомогательныя войска, пользуясь случаемъ, обыкновенно предавались страшному грабежу, не разбирая владѣній ни друга ни врага, и только стараясь какъ можно болѣе расширить районъ своихъ опустошеній. Въ этихъ частныхъ находженіяхъ Татаръ, которыя по своимъ ужасамъ развѣ только мало уступали первоначальному общему нашествію и которыя по обширности опустошаемыхъ территорій иногда достигали почти до размѣровъ его самого, не было пощады ни церквамъ и монастырямъ съ ихъ утварью и святыней, ни священникамъ и монахамъ ²⁾.

¹⁾ Когда въ началѣ XIV вѣка поднялась у насъ обличительная проповѣдь противъ взиманія епископами платы за оставленія въ церковныя степеня и когда епископы въ свое оправданіе ссылались между прочимъ на „поганское насиліе“: то обличители не отвѣчали епископамъ, что они ссылаются несправедливо, и, отстрашая оправданіе инымъ образомъ, признавали, что поганые дѣйствительно грабятъ, см. Памятники древне-русскаго права, изд. А. Павлова, часть I, col. 154.

²⁾ Наприм. татарскія войска, которыя приводилъ князь Андрей Александровичъ, сынъ Пенскаго, противъ своего старшаго брата Дмитрія,

При дворѣ великихъ хановъ монгольскихъ въ Каракорумѣ находились служители вѣры всѣхъ покоренныхъ ими народовъ ¹⁾, дабы служители вѣры каждаго изъ этихъ народовъ молились о нихъ-ханахъ. Не знаемъ, такъ ли это было при дворѣ хановъ золотоордынскихъ. Но наша русская вѣра, если не съ самого начала господства Монголовъ надъ Россіей, то съ 1261 г. имѣла при ханахъ своего особаго представителя, и именно—съ сего послѣдняго года въ лицѣ епископа, кафедрѣ котораго была учреждена въ столицѣ ханской Сарай. Намъ неизвѣстна исторія учрежденія кафедрѣ, ибо лѣтопись подъ нашимъ годомъ говоритъ только: „того же лѣта постави митрополитъ епископа Митрофана Сарая“; но со всею вѣроятностію должно представлять себѣ дѣло не такъ, чтобы митрополитъ просилъ у хана дозволенія назначить въ его столицу епископа для тѣхъ Русскихъ, которые жили между Татарами, а такъ, что самъ ханъ потребовалъ отъ митрополита, чтобы къ нему назначенъ былъ представитель русской вѣры въ лицѣ епископа или, какъ выражались Татары о нашихъ епископахъ, большаго попа. Къ рѣчамъ объ этомъ возвратимся немного ниже.

Если не во все время господства надъ Россіей, то по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока оставались язычниками, ханы дозволяли епископамъ сарайскимъ обращать своихъ татаръ въ христіанство. Пресмникъ Митрофановъ на кафедрѣ Феогности, адресовавшійся въ 1276 г. къ Константинопольскому патріаршему собору съ разными вопросами, о чемъ скажемъ ниже, между прочимъ спрашивалъ: „приходящихъ отъ Татаръ, хотящихъ креститися, и не будетъ велика сосуда (т. е. когда дѣло случится во время кочевки въ степи), въ чемъ погружать ему“.

Ханы золотоордынскіе были не противъ того, чтобы выдавать своихъ татарскихъ дѣвицъ за нашихъ князей (и нашихъ бояръ) съ дозволеніемъ первымъ принимать христіанство. Примѣры женитьбы въ Ордѣ нашихъ князей, сколько

въ 1281 и въ 1293 году, въ оба раза страшнымъ образомъ опустошили почти сполна области Суздальскую и Ростовскую.

¹⁾ Рубруквисъ, гл. XLIV.

знаемъ, не многочисленны; но они имѣли мѣсто до хана Узбека (1313—1341) включительно.

Остается намъ сказать о частныхъ случаяхъ поведенія хановъ, которые какъ будто представляютъ собою возраженія противъ совершенной ихъ терпимости къ нашей вѣрѣ и противъ строгаго уваженія ими правъ нашего духовенства.

Коль скоро положительнымъ и несомнѣннымъ образомъ извѣстно какое нибудь общее, то относително частныхъ противъ него случаевъ само собою дается предполагать, что случаи эти—или представляютъ собою исключенія, зависѣвшія отъ какихъ нибудь особыхъ причинъ, или понимаются не совсѣмъ правильно и не имѣютъ того смысла, который имъ придается, или наконецъ—что они не суть случаи достовѣрные. Что ханы монгольскіе оказывали полную и совершенную терпимость къ нашей вѣрѣ и такое же уваженіе къ неприкосновенности правъ нашего духовенства, это, какъ общее, извѣстно намъ положительнымъ и несомнѣннымъ образомъ. А изъ сего само собою слѣдуетъ, что о частныхъ случаяхъ, какъ будто говорящихъ противъ этихъ терпимости и уваженія хановъ должно думать что либо изъ сейчасть указаннаго выше.

Частные извѣстные случаи суть: во-первыхъ, осужденіе ханами на мученическую смерть за вѣру двухъ нашихъ князей; во-вторыхъ—одна, сдѣланная ими, попытка обложить данью наше духовенство; втретихъ—принятое было ими, по увѣренію нѣкоторыхъ нашихъ лѣтописей, намѣреніе ввести свою татарскую вѣру въ одной изъ русскихъ областей.

Князья, потерпѣвшіе отъ хановъ мученическую смерть за вѣру, были: Михаилъ Всеволодовичъ Черниговскій, осужденный Батыемъ въ 1246 г., и Романъ Ольговичъ Рязанскій, осужденный Менгу-Темиромъ въ 1270 г.

О причинѣ осужденія Батыемъ на мученическую смерть Михаила Всеволодовича мы имѣемъ четыре разказа: нарочитой повѣсти о страданіи князя ¹⁾, лѣтописей Лаврентьев-

¹⁾ Извѣстной въ нѣсколькихъ редакціяхъ и читаемой—въ отдѣльномъ видѣ въ сборникахъ (изъ одного сборника XIV—XV вѣка напечатана *преосв. Макаріемъ* въ приложеніи къ V т. Исторіи; объ авторѣ см. у *Ключевск.* въ Житіяхъ святыхъ, стр. 146) и инкорпорированно въ лѣтопи-

ской и Ипатской и западнаго писателя Плано-Карпини. Нарочитая повѣсть говоритъ, что князья русскіе съ ихъ боярами, приходившіе къ Батыю въ Орду, должны были, по его приказанію, проходить сквозь огонь, поклоняться солнцу, кусту ¹⁾ и идоламъ татарскимъ, и что Михаилъ съ своимъ бояриномъ Θεодоромъ не хотѣлъ исполнить этого требованія Батыева, какъ противнаго христіанству. Лаврентьевская лѣтопись рассказываетъ подъ 1246 г.: „того же лѣта Михайло, князь черниговскій, со внукомъ своимъ Борисомъ (Васильковичемъ, княземъ ростовскимъ) поѣхаша въ Татары, и бывшимъ имъ въ станѣхъ посла Батый къ Михаилу князю, воля ему поклонитися огневи и болваномъ ихъ, Михайло же князь не повинуся велѣнію ихъ, но укори и и глухія его кумиры, и тако безъ милости отъ нечестивыхъ заколенъ бысть“. Въ Ипатской лѣтописи подъ 1245 г. читается: князь Михаилъ „ѣха (изъ Чернигова) Батыеви, прося волости своее отъ него: Батыеви же рекшу: „поклонися отецъ нашихъ закону““. Михаилъ же отвѣща „аще Богъ ны есть предалъ и власть нашу, грѣхъ ради нашихъ, въ руцѣ ваши, тобѣ кланяемся и чести приносимъ ти, а закопу отецъ твоихъ и твоему бого нечестивому повелѣнію не кланяемся“; Батый же яко свѣрѣпный звѣрь возъярися (и) повелѣ заклати князя Михаила“. Плано-Карпини пишетъ: „Татары обожаютъ югъ, какъ будто божество какое, и всѣхъ къ нимъ пріѣзжающихъ вельможъ къ тому же принуждаютъ; нѣкотораго російскаго князя, по имени Михаила, который пріѣхалъ къ Батыю для изъявленія своей преданности, они заставили сперва пройти между двумя огнями, а потомъ велѣли молиться на югъ предъ Чингисъ-ханомъ; но онъ отвѣчалъ, что поклонится предъ Батыемъ и его служителями,

сякъ, именно: 1-й Софійской (Поли. собр. лѣтт. V, 182), Воскресенской (ibid. II, 152), Никоновской,—III, 19, и въ Степенной книгѣ,—1,340.

¹⁾ Что такое это „кусту“, не можемъ сказать. Гаммеръ утверждаетъ, что „кусту“, поперсидски „кести“, есть священнѣйшій поясъ маговъ и Индѣйцевъ,—*Geschichte d. gold. Horde*, S. 137 прим.: но сомнѣваемся, чтобы это было такъ. Ипатская лѣтопись подъ кусту разумѣетъ кустъ въ русскомъ значеніи этого слова, ибо выражается: „водяше около куста“ (2 изд. стр. 535 fin.): но и это представляется намъ сомнительнымъ. Такъ какъ въ сказаніи солнце и кусту стоять вмѣстѣ только одинъ разъ, а въ другіе разы либо солнце либо кусту: то кусту не значить ли солнце?

а предъ образомъ умершаго человѣка никогда того не сдѣлаетъ, послѣ то возбранено христіанамъ“.

Въ сейчасъ указанныхъ требованіяхъ, обращенныхъ къ князю, должно различать прохожденіе сквозь двухъ огней и поклоненіе образу Чингисъ-хана, какъ говоритъ Плато-Карпини, или вообще идоламъ, какъ говорятъ наши сказанія. Прохожденіе сквозь двухъ огней не составляло языческаго религіознаго обряда въ собственномъ и строгомъ смыслѣ этого слова. Огонь считался у Татаръ очистительнымъ средствомъ, и такъ какъ они, будици крайне суевѣрными, страшно боялись колдовства и порчъ, то чтобы у всѣхъ, приближающихся къ хану, отнять способность околдовать его, если бы кто имѣлъ таковое намѣреніе, они и проводили сквозь двухъ огней, какъ имѣющихъ способность уничтожать силу чаръ. Плато-Карпини пишетъ объ этомъ: „прибывъ къ Батю, мы остановились на одну милю отъ его палатокъ и двора; когда насъ повели къ нему, то объявили, что намъ надлежало проходить между двумя огнями; мы ни подъ какимъ видомъ на это не согласились; но они намъ сказали, чтобы мы не дѣлали въ томъ никакого затрудненія, потому что огонь, если бы мы паче чаянія имѣли какое злое намѣреніе противъ ихъ государя или если бы у насъ былъ какой ядъ, могъ все сіе пожрать; чтобы не навести на себя подозрѣнія,—прибавляетъ Плато-Карпини,—мы на то согласились“. Изъ его—Плато-Карпини разсказа какъ будто слѣдуетъ, что и князь исполнилъ требованіе о прохожденіи сквозь огни.

Изъ двухъ несогласныхъ свидѣтельствъ, чему долженъ былъ молитвенно кланяться князь,—вообще ли татарскимъ идоламъ, какъ говорятъ наши сказанія, или одному образу Чингисъ-хана, какъ говоритъ Плато-Карпини, преимущество должно быть отдаваемо свидѣтельству послѣдняго. Мученическая смерть Михаила Всеволодовича имѣла мѣсто 30 сентября 1246 года, а Плато-Карпини, ѣздившій отъ паны къ великому хану Грюку въ Каракорумъ, былъ у Батю, на возвратномъ пути отъ хана, въ праздникъ Вознесенія слѣдующаго 1247 г., такъ что долженъ былъ слышать разсказъ о событіи на самомъ мѣстѣ и отъ людей достовѣрно знавшихъ дѣло; между тѣмъ наши повѣствователи, говорящіе о требованіи поклоненія вообще татарскимъ идоламъ,

очень легко могли сдѣлать обобщеніе на основаніи своихъ простыхъ заключеній. Какъ бы то ни было, но и поклоненіе образу Чингисъ-хана, которое было требовано отъ князя, должно быть представляемо не какъ простое гражданское воздаяніе почести основателю ханской династіи, а какъ молитвенное поклоненіе человѣку обоготворенному, ибо Плано-Карпини ясно говоритъ именно о молитвенномъ поклоненіи, т. е. даетъ знать, что Татары боготворили Чингисъ-хана ¹⁾. По свидѣтельству нарочитаго сказанія и Плано-Карпини, требуемое отъ Михаила Всеволодовича было требовано и отъ другихъ русскихъ князей, пріѣзжавшихъ въ Орду. Тоже утверждаетъ и Ипатская лѣтопись, говоря о путешествіи къ Батюю галичскаго князя Даниїла Романовича ²⁾. А такимъ образомъ, мы получимъ, что Батыею было требовано отъ русскихъ князей, пріѣзжавшихъ къ нему для изъявленія своей покорности и вообще по обязанностямъ своего данничества, чтобы они совершали молитвенное поклоненіе предъ образомъ обоготвореннаго Монголами Чингисъ-хана.

Но если это такъ, то мы получаемъ не тотъ фактъ, что ханы золотоордынскіе принуждали нашихъ князей принимать ихъ татарскую вѣру, а тотъ, что они, нисколько не думая дѣлать этого послѣдняго, только заставляли нашихъ князей изъявлять свое уваженіе къ ихъ татарской вѣрѣ. По строгимъ понятіямъ христіанскимъ, это есть то, на что христіанинъ не долженъ соглашаться, и поведеніе Михаила, само собою понятно, пужно признать несравненно болѣе доблестнымъ, чѣмъ поведеніе всѣхъ другихъ князей, которые не отказывались исполнять волю хановъ. Но что касается до самихъ хановъ, то съ ихъ собственной точки

¹⁾ О религіозномъ поклоненіи Монголовъ душамъ предковъ см. Записки о Монголіи монаха *Лакина*, томъ I, часть II, стр. 188 и его же „Китай“, IV, 58 ff. Ипатская лѣтопись говоритъ, что Монголы покланяются „солнцу и лунѣ и земли, дьяволу и умершимъ въ адѣ отцемъ ихъ и дѣдомъ и матеремъ“,—2-го изд. стр. 535.—Поклоненіе на югъ было именно молитвеннымъ поклоненіемъ,—Плано-Карпини гл. VII, Рубруквсь у Бержерона р. 31.

²⁾ Подъ 1250 г., 2-го изд. стр. 535 ff. sqq. Изъ всѣхъ разсказовъ, а преимущественно изъ разсказа лѣтописи, ясно видно, что поклоненіе было требовано одинъ разъ, именно—предъ тѣмъ какъ князья должны были представляться ханамъ.

зрѣнія они не могли находить въ этомъ посягательствѣ на совѣсть нашихъ князей: одинако уважая вѣры всѣхъ покоренныхъ народовъ и выражая свое уваженіе ко всѣмъ вѣрамъ посредствомъ видимыхъ знаковъ (по отношенію къ христіанству кажденіе и цѣлованіе Евангелія, см. выше), ханы могли находить совершенно естественнымъ, чтобы и отъ князей всѣхъ покоренныхъ народовъ требовать подобнаго же изъявленія уваженія къ своей вѣрѣ ¹⁾).

(Очень можно подозрѣвать, что въ отношеніи къ Михаилу Всеволодовичу требованіе молитвеннаго поклоненія образу Чингисъ-хана было поставлено значительно иначе, нежели какъ это было въ отношеніи къ другимъ князьямъ, именно— что ему нарочито и намѣренно предъявлены были при семъ такія особенныя требованія, на которыя никакъ не могла согласиться его христіанская совѣсть. Выше мы говорили, что Михаилу Всеволодовичъ, видѣвшій въ 1239 г. въ Кіевѣ, приказалъ убить присланныхъ къ нему татарскихъ пословъ. Но Плато-Карпини пишетъ: „у татаръ есть обыкновеніе, чтобы съ тѣми, которые убьютъ ихъ посланниковъ или худо съ ними поступятъ, никогда не дѣлать ни миру ни перемирія; они не остаются въ покоѣ до тѣхъ поръ, пока за то не отмстятъ“. На основаніи сейчасть сказаннаго очень можно думать, что Михаилу Всеволодовичу нарочито предъявлены были особенныя противъ другихъ князей требованія, въ надеждѣ, что онъ не исполнитъ ихъ и что такимъ образомъ дастъ Батыю предлогъ осудить его на смерть. Плато-Карпини, послѣ приведеннаго нами разсказа о смерти Михаила, говоритъ въ другомъ мѣстѣ: „иногда Татары бываютъ столь злы, что ищутъ случая убивать князей, какъ то они поступили съ русскимъ княземъ Михаиломъ и другими“, и этимъ во всякомъ случаѣ довольно ясно даетъ знать, что у Батыя предрѣшено было убить Михаила и что ему только нужны были какіе нибудь предлоги. Можно думать, что и въ Орду князь былъ заманенъ Татарами хитростію, посредствомъ тѣхъ или другихъ лживыхъ обѣщаній, ибо, зная за собою вину, едва ли онъ могъ имѣть охоту идти къ нимъ самъ).

Такимъ образомъ, исторія князя Михаила Всеволодовича

¹⁾ Сгг *преосв. Макарія* Ист. т. IV, 117.

Черниговскаго доказываетъ не то, что Батый принуждалъ нашихъ князей къ перемѣнѣ вѣры или вообще къ принятію его язычества, а только то, что онъ по язычески понималъ принципъ вѣротерпимости и что сообразнаго съ своимъ пониманіемъ онъ требовалъ отъ нашихъ князей въ отношеніи къ своей татарско-языческой вѣрѣ.

Вмѣстѣ съ княземъ, какъ мы сказали, принялъ мученическую смерть одинъ изъ его бояръ, по имени Феодоръ. Бояринъ не только послѣдовалъ примѣру князя, но и его самого укрѣплялъ въ рѣшимости отказаться отъ исполненія воли Батыя, въ виду настоятельныхъ увѣщаній со стороны другихъ Русскихъ, бывшихъ въ Ордѣ, покориться требованію хана ¹⁾. Послѣ долгаго мученія (о которомъ Плано-Карпини говоритъ согласно съ нашимъ нарочитымъ сказаніемъ ²⁾), князь и бояринъ преданы были смерти посредствомъ отсѣченія главы. Тѣла мучениковъ были брошены на съѣденіе псамъ ³⁾, по потомъ благочестивыми русскими людьми преданы были погребенію, — вѣроятно, на общемъ кладбищѣ Русскихъ, жившихъ при ханѣ ⁴⁾. (Изъ Орды онѣ

1) По нашему нарочитому сказанію, настоятельно увѣщевалъ Михаила Всеволодовича исполнить волю Батыя внукъ его Борисъ Васильковичъ ростовскій. По Плано-Карпини, который также говоритъ о неназваемомъ имъ по имени бояринѣ сейчасъ сказанное нами, Батый посылалъ къ Михаилу съ увѣщаніемъ бывшего въ Ордѣ сына Ярославова, т. е. сына вел. кн. Ярослава Всеволодовича.

2) Въ нашемъ нарочитомъ сказаніи: „Убийци (князя) пріѣхала, скочиша съ конь и яша Михаила и растягоша за рудъ, почаша бити руками по сердцу; посемь повѣргоша его низъ на землю и бѣхуть и' пятами; сему же на долѣ бывшю, нѣкто бывъ прежде христьянъ и послѣди же отвержеся вѣры христьянскія и бысть поганъ законопреступникъ, именемъ Дожанъ, сій отрѣза главу святому мученику Михаилу и отверже ю прочь... (потомъ) начаша Феодора мучити, якоже и преже Михаила; послѣ же честную главу его урѣзаша“.

3) Чтò, можетъ быть, должно понимать не такъ, чтобы хотѣли предать ихъ возможно бôльшему позору, а такъ, что только не хотѣли удостоить ихъ соотвѣтствующаго погребенія. По свидѣтельству Пржевальскаго, Монголы въ настоящее время закапываютъ въ землю только трупы князей и важныхъ ламъ, а всѣ прочіе трупы выбрасываютъ на съѣденіе собакамъ и хищнымъ звѣрямъ и птицамъ.

4) Годъ мученической смерти Михаила Всеволодовича показывается двояко: по нарочитому сказанію и по Ипатской лѣтописи онъ есть 1245-й, по Лаврентьевской и такъ называемой Академической лѣтописямъ—1246-й.

неизвѣстно когда перенесены были въ Черниговъ и положены здѣсь въ кафедральномъ соборѣ. Изъ Чернигова въ 1575 г. царь Иванъ Васильевичъ перенесъ ихъ въ Москву и положилъ въ соборѣ, посвященномъ имени нашихъ (Черниговскихъ) чудотворцевъ, находившемся надъ Кремлевскими Тайницкими воротами; въ 1770 г., когда предполагено было уничтожить соборъ, онѣ перенесены въ Срѣтенскій дворцовый соборъ, а отсюда въ 1774 г. перемѣщены въ Архангельскій соборъ, въ которомъ подъ спудомъ находятся и до настоящаго времени ¹⁾. Къ лику святыхъ князь Михаилъ Всеволодовичъ и его бояринъ Феодоръ причислены неизвѣстно когда ранѣе собора 1547 г.

О мученичествѣ рязанскаго великаго князя Романа Ольговича Никоновская лѣтопись подъ 1270 г. рассказываетъ ²⁾: во время бытности въ Ордѣ князь оклеветанъ былъ хану, что хулить его — хана и ругается его вѣрѣ; ханъ напустилъ на князя Татаръ, которые начали нудить его къ своей вѣрѣ; когда князь отвѣчалъ, что не достоинъ православнымъ христіанамъ, оставивъ свою вѣру православную, принимать вѣру бесерменскую поганую, Татары начали его бить; когда и послѣ сего князь хвалилъ вѣру христіанскую и поносилъ татарскую, чиповники ханскіе предали его ужасной смерти: сначала отрѣзали ему языкъ и заткнули уста полотенцемъ; потомъ начали рѣзать ему суставы и бросать ихъ прочь—отрѣзали всѣ персты у рукъ и у ногъ, отрѣзали уста и уши, а прочіе составы разрѣзали, такъ что остался одинъ трунъ; наконецъ, содрали кожу съ головы и воткнули ее на коньѣ.

Лѣтопись говоритъ, что князь былъ оклеветанъ хану; но дальнѣйшій ея рассказъ показываетъ, что онъ дѣйствительно

Принимая второй годъ, мы основываемся на томъ предположеніи, что не ошибается Лаврентьевская лѣтопись, когда относитъ смерть князя къ одному и тому же году со смертію вел. кн. Ярослава Всеволодовича, а относительно сего послѣдняго намъ извѣстно изъ Плато-Карпини, что онъ умеръ въ 1246-мъ году, а не ранѣе. Мѣсяцъ и число, какъ мы сказали—Сентября 20-е.

¹⁾ *Снетрєва* Памятники Московскои древности, стр. 67 col. 1 sp. (любопытное посланіе царя къ чудотворцамъ, молящее прибыть ихъ въ Москву, *ibid.*, пояснительныхъ примѣчаній стр. 4, л).

²⁾ Также Степенная книга—I, 383.

имѣлъ дерзновеніе поносить вѣру хана ¹⁾ (вѣроятно, не бесерменскую, а языческую, ибо ханъ Менгу-Темиръ, при которомъ былъ замученъ князь, послѣ своего предшественника Берке, принявшаго магометанство, какъ кажется, снова былъ язычникомъ). Такимъ образомъ, если князь приобрѣлъ себѣ вѣнецъ мученической истиннымъ христіанскимъ дерзновеніемъ, то съ другой стороны и поведеніе хана вовсе не показывасть его петерпимости къ нашей христіанской вѣрѣ. Ханы относились съ совершенною терпимостію ко всѣмъ вѣрамъ; но естественно, что того же требовали они и отъ другихъ по отношенію ко всѣмъ вѣрамъ. Ханъ Менгу-Темиръ, давшій первый охранный ярлыкъ нашимъ митрополитамъ, угрожаетъ въ немъ своимъ чиновникамъ: „а кто вѣру ихъ похулитъ или ругается, тотъ ничѣмъ не извинится и умрѣтъ злою смертію“. Если злая смерть была опредѣлена Татарамъ, которые бы осмѣлились хулить русскую вѣру, то естественно, что ханъ долженъ былъ осудить на злую смерть Русскаго, осмѣлившагося хулить вѣру татарскую. Невѣроятно злая смерть, которой былъ преданъ князь, даетъ знать, что онъ съ полнымъ и великимъ дерзновеніемъ хулил вѣру татарскую.

Попытка со стороны хановъ обложить ежегодною данію русское духовенство имѣла мѣсто въ правленіе хана Чанибека, въ 1341 г. Своей попыткой Чанибокъ хотѣлъ было нарушить основной государственный законъ Монголовъ, постановленный Чингисъ-ханомъ, чтобы духовенства всѣхъ вѣръ были свободны отъ даней и отъ всякихъ повинностей. Но вина за нарушеніе закона, если бы оно дѣйствительно случилось, падала бы не столько на хана, сколько на самихъ Русскихъ, ибо не самъ онъ подвигся, а этими послѣдними былъ подвигнутъ къ своей попыткѣ. Въ 1341 г. митр. Θεогностъ приходилъ въ Орду, чтобы, согласно съ узаконеніемъ Узбека, получить ярлыкъ отъ Чанибека, какъ отъ новаго хана. Въ это время, по словамъ Пиконовской лѣтописи, „нѣціи рустіи человекѣци оклеветаша Θεогнаста

¹⁾ Впрочемъ, такъ какъ въ древнее и старое время слово клевета употреблялось въ двухъ смыслахъ: въ смыслъ оболганія, какъ нынѣ, и въ смыслъ доноса, обвиненія: то можетъ быть, что и лѣтописецъ употребляетъ его во второмъ смыслѣ.

митрополита ко царю Чалибеку, яко много безчисленно имать дохода и злата и сребра и всякого богатства, и достоинъ ему тебѣ давати въ Орду на всякъ годъ полѣтныя дани“. Вслѣдствіе этого ханъ и началъ было просить у митрополита ежегодныхъ даней. Дѣло кончилось тѣмъ, что митрополитъ, съ рѣшительною твердостью отвѣчавшій отказомъ и, нѣтъ сомнѣнія, опиравшійся въ отказѣ на Чингисханевъ законъ, принужденъ былъ раздарить хану и ханшѣ и ихъ главнѣйшимъ боярамъ (князьямъ) 600 рублей.

Увѣренія нѣкоторыхъ нашихъ лѣтописей о принятомъ было Татарами намѣреніи ввести свою татарскую вѣру въ одной изъ русскихъ областей, состоятъ въ томъ, что въ 1327 г. пришолъ въ Тверь посломъ отъ хана Узбека его двоюродный братъ Шевкаль, сынъ Дюденевъ, — что будто этотъ Шевкаль намѣревался, избивъ князей тверскихъ, самъ сѣсть на тверскомъ княженіи, а по городамъ посажать своихъ татарскихъ князей, и что будто онъ хотѣлъ привести христіанъ княженіи въ свою татарскую вѣру ¹⁾. Не невозможно, что Шевкаль дѣйствительно имѣлъ намѣреніе избить тверскихъ князей, но чтобы онъ самъ намѣревался сѣсть на тверскомъ княженіи, это вовсе невѣроятно, а еще болѣе невѣроятно то, будто онъ намѣревался привести въ татарскую вѣру христіанъ тверской области. Могли еще Татары мечтать объ обращеніи въ свою вѣру всей Руси: но какой смыслъ могло имѣть обращеніе въ татарскую вѣру одной области русской? Шевкаль былъ присланъ Узбекомъ, а о послѣднемъ мы знаемъ, что онъ отличался совершенно полной вѣротерпимостью. Необходимо думать, что слухъ о намѣреніи Шевкала ввести татарскую вѣру, если только онъ дѣйствительно ходилъ между тверичами, былъ пущенъ самими тверскими князьями съ тою цѣлю, чтобы какъ можно болѣе вооружить народъ противъ ханскаго посла, какъ это и на самомъ дѣлѣ имѣло мѣсто ²⁾.

Е. Голубинскій.

¹⁾ Някон. лѣт. годъ 1326 г.

²⁾ Сгг у *Соловьева* т. III, 4-го изд. стр. 277.